

18+

Александр
Левинтов

ПИСЬМА ВНУКУ ВАНЕ

Александр Левинтов

Письма внуку Ване

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51617042

ISBN 9785449831811

Аннотация

Родители заняты воспитанием детей, бабушки и дедушки – просвещением внуков. И то, и другое – важнейшие составляющие образования, предворяющие учение и обучение. Письма своему внуку Ване философ Александр Левинтов писал в течение нескольких лет. Сочиняя письма, он думал о своём legacy, наследии. Не о том, что мы оставляем после себя внукам, а о том, что внуки возьмут и воспримут как наследие от нас. Эта книга подарок Ване к первому в жизни десятилетию.

Содержание

Наставление к чтению	5
Когда мне было 7 лет	10
В царстве Соли	23
Про Александра Гумбольдта	28
Про живое	38
Про пионерлагеря	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Письма внуку Ване

Александр Левинтов

Благодарности:

Галина Волкова

© Александр Левинтов, 2020

ISBN 978-5-4498-3181-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наставление к чтению

Скоро моему внуку Ване исполнится пять лет, и это значит, что он перейдет мало-помалу от слушания книг к их чтению. И я решил написать ему небольшое наставление к чтению, прежде всего Священного Писания.

Вот оно, это наставление.

Первый и единственный совет мой тебе: читай так, чтобы чувствовать себя самым активным соучастником событий, переживать их как будто всё это происходит именно с тобою и именно сейчас.

Вот, давай вспомним историю про Давида и Голиафа.

Ты, конечно, Давид.

Тебе двенадцать лет, и ты простой мальчик пастушок. У тебя совсем маленькое стадо и, если честно, тебе уже надоело быть с этими глупыми, блеющими что-то жалобное овцами.

А на другом берегу ручья сидит здоровенный дядька, скучный и злой. Никто не хочет с ним драться, а у него просто кулаки чешутся, кому бы тут накостылять.

– эй, пацан! ты что тут делаешь?

– овец пасу, дяденька. А что, нельзя?

– вообще-то это поле битвы, а не пастьбы. Пошёл прочь отсюда по добру-по здорову...

Тут этот страшный дядька подумал: вот, сейчас этот пацан

уйдёт, и опять не с кем будет даже поговорить, не то, чтобы подражаться.

– ... стой! вернись! вернись, кому говорят!

– я здесь, я только Зорьку вернул в стадо, вечно она отбивается, паршивка такая. А вам чего?

– ты драться, ну, в смысле, воевать, умеешь?

– не-а

– и никогда не держал в руках ни меча, ни палицы, ни просто дубины?

– нет, я ещё маленький

– да ты и останешься маленьким, в сравнении со мной... слушай, хочешь я тебя научу быть воином?

– а как это?

– н-да... меч и палицу ты даже вряд ли поднимешь, а, вот, постой-ка, давай я тебя научу воевать пращой!

– а что это такое?

– вот, на, лови!

И он бросил через ручей небольшой камень с привязанной к нему веревкой.

Камень как камень, не очень ровный, чуть больше моего кулака, но верёвка к нему привязана прочно.

– возьми веревку за конец, намотай на руку, раскрути камень, вот так, быстрее, быстрее! а теперь бросай!

Камень воткнулся в землю в двух шагах от меня.

– экий ты дуралей, недотепа! Давай ещё раз и отпускаяй веревку, когда я тебе крикну, понял?

Я раскрутил веревку, сильно, как мог, дядька крикнул «бросай!», и я бросил.

Камень попал ему прямо в лоб, и он свалился на землю.

Так мы, оказывается, одержали победу над филистимлянами, а я стал, в конце концов, царем.

Или вот еще одна интересная история. И тоже про мальчика, который был, пожалуй, твоего возраста и который был сыном царя Давида.

Твой отец сильно провинился перед Богом, что взял в жены Вирсавию, твою маму, ведь она – самая-самая красивая, но у нее был муж, и Давид нарочно послал его на войну, где тот погиб. Сначала Бог очень разгневался на Давида, но потом, увидев Вирсавию и услышав искреннее раскаяние Давида, сказал: «Ну, что с вами поделаешь? живите с миром!» Так тебя и называли, Соломон, что значит «мир». Богу очень понравилась эта идея с твоим именем и Он спросил тебя:

– чего ты хочешь, малыш?

А у тебя есть всё-всё, и ты – царский сын, а твоя мама – самая-самая красивая. И тогда ты, набравшись храбрости и смелости, попросил Бога:

– дай мне мудрости.

Честное слово, Бог даже прослезился от умиления и неожиданности:

– чего только у Меня не просили и не вымаливали, в ногах валялись, а такого ещё никто не просил.

И Он дал тебе мудрости, которой тебе хватило на всю

твою жизнь. И уже четыре тысячи лет прошло, а тебя до сих пор считают самым мудрым человеком. Потому что для того, чтобы попросить мудрости у Бога, надо быть уже мудрым, настолько мудрым, что не знать этого.

Или вот ещё одна история, и представь себе в ней себя, себя, каков ты есть настоящий, каков ты только перед самим собой.

Весна.

И ты сидишь на крутом высоком склоне. Перед тобой – синее-синее и очень большое озеро, оно огромно как море, да его и называют морем, Тивериадским морем. В нем полно рыбы, которую так любишь, особенно, когда только что она выловлена и приготовлена, ещё пахнет водой, водорослями и другими рыбами, тихими, кроткими и покорными, как рабы. Вся гора вокруг тебя и выше и ниже нежно зеленая и кажется, что она ласкает воздух. Дальние горы сини и покойны, и всё покойно, особенно небо, такое глубокое и ясное. А ночью, ты знаешь, оно скинет своё легкое земное покрывало, эту прозрачную дымку – и тебе откроется настоящее небо, полное звезд и красоты, чтобы ты опять и опять убедился, что это небо и есть Бог, Его Царство, самое прекрасное, что только можно представить себе.

Ты сидишь и лишь краем глаз замечаешь, что ты не один, что на траве сидят ещё люди, другие люди, очень добрые и такие тихие, как всё окрест.

И слова сами собой приходят к тебе, минуя твои мыс-

ли: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мтф.5.3—12).

Слова льются и льются, неведомо откуда, простые, понятные и возвышенные. И ты с удивлением видишь, что люди, которые сидят рядом, слышат тебя, хотя тебе казалось, что ты вовсе ничего и не говорил, а слова эти сами говорят в тебе.

И ты продолжаешь также безмолвно говорить и говорить, читать и читать – всё так ясно и понятно, и никак не может быть иначе.

И тут приносят рыбы и хлеба, ещё горячие и немного сыроватые от этого внутри. И мы едим и не можем насытиться этими нашими общими рыбами, этими нашими общими хлебами, этими нашими общими словами, и так будет всегда-всегда, до окончания всех времен, потому что всё вместе это так прекрасно!

Когда мне было 7 лет

Здравствуй, Ваня!

Наверно, тебе будет интересно узнать, каким я был в твоём возрасте, в 7 лет, и что со мной приключалось тогда. Впрочем, не знаю, вправду ли тебе это будет интересно, а мне так точно интересно, ведь столько лет прошло, неужели что-нибудь помнится? Приготовься, это будет очень долгий рассказ, ведь у меня удивительно цепкая память, которая и сделала меня писателем.

Летом 1951 года мой папа окончил Ленинградскую военную академию связи и его направили в Тамбовский гарнизон. Вообще-то у него было филологическое образование, он изучал английский язык и английскую литературу, Шекспира, но началась война, и он попал на фронт связистом. Он воевал под Сталинградом и на Курской дуге, это были величайшие сражения Второй мировой войны. Получив три ранения и одну контузию, он был снят с фронта, но оставлен в Действующей армии и направлен на учёбу в Ленинградскую военную академию. Так мы, москвичи, на пять лет оказались в Ленинграде, который теперь опять называют Петербургом.

До войны у папы с мамой родились две дочки, во время войны – я, а после войны – ещё один сын и одна дочка, вот такая весёлая семейка. Родители наши, к сожалению, про-

жили недолго, отдав все свои жизненные силы нам, а мы все пятеро всё ещё живы, мы очень дружим и любим друг друга и наших бедных родителей, так рано ушедших из жизни.

Тамбов находится к югу от Москвы, а Ленинград – к северу, поэтому мы по дороге остановились в Москве на целый месяц. В Москве у нас жили папины и мамины родители, а ещё сестры и брат папы, сестра и брат мамы, а у них куча детей, наших кузенов и кузин, а ещё – дальняя родня, но все очень хорошие и добрые люди – их было очень много. Вся папина родня говорила, что я похож на папу, «ну, вылитый Женя!», а вся мамина родня в один голос говорила: «ну, вылитый дедушка Саша!». Я, конечно, не возражал, потому что и папа – хороший человек, и дедушка Саша – хороший человек, и это очень хорошо, что я похож на обоих, правда? Хотя они, конечно, очень были непохожи друг на друга.

В комнате бабушки Оли жила она с дедушкой Сашей, ещё там жили мамин глухонемой брат Лёва с женой Галей и дочкой Аней (они все уже умерли), мамина младшая сестра Наташа с мужем Сашей и двумя дочками, Леной и Мариной (жива только Лена, все остальные тоже умерли), нас семеро, а ещё дядя Петя Горшков – он нам никакая не родня, но наша семья жила у него, на железнодорожной станции Титово, потому что нас во время войны из Москвы эвакуировали туда. Как мы все помещались в этой комнате?! —как-то помещались. И было очень весело.

Иногда бабушка Оля отправляла нас, детей, всех восьме-

рых, в Измайловский лес, за малиной или грибами. Большие дети, от Светки до Ленки (она была на год старше меня), получали фунтовые банки, а мы, «малышня», полуфунтовые, из-под черешневого компота. Знаешь, что такое «фунтовая банка»? это банка в 410 граммов. В русской армии полагался фунт мяса на одного солдата в день. Его выдавали тушёнкой. Россия снабжала мясом все армии своих союзников, Антанты. И эта тушёнка так всем понравилась, что с тех пор русский фунт, 410 грамм, стал стандартом всей консервированной продукции в мире, так называемой «условной банкой». Мы могли есть в лесу малины столько, сколько захотим, но свою банку надо было собрать и сдать бабушке Оле: она была мастерица варить варенья.

В лесу стояли великолепные, очень красивые сосны. К сожалению, почти все они во время войны были спилены на дрова. А потом спилили и оставшиеся, светлые, янтарные, залитые солнечным светом. Вместо них посадили ровными рядами березы, и лес превратился в парк, но это уже после моего детства.

Дедушка Саша работал бухгалтером в Министерстве сельского хозяйства, а бабушка – бухгалтером в столовой общежития ветеринарного института. Эта столовая работает до сих пор, если хочешь, я покажу тебе её, когда ты будешь в Москве. Каждый вечер она возвращалась домой со своим большим ридикюлем и выдавала каждому из нас восьмерых, Светке, Ольке, Ленке, мне, Мишке, Маринке, Наташке

и Аньке каждому своё – конфетку, печенюшку, что-нибудь сладенькое. Мы все считали, что бабушкин ридикюль – это нечто волшебное и очень вкусное.

В их комнате в бараке, в комнате на втором этаже, было два замечательных предмета.

Первый – книжный шкаф с вензелем САГ, что означало САФОНОВ АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ, то есть дедушка. А второе – буфет, в котором стояли графинчик, рюмки, стопки и бокалы синего кобальта: в нашем доме вино и водку никогда не наливали из бутылки, только из графина, и никогда просто водку – бабушка настаивала её на лимонных корочках. Всё-таки, она была дочкой самого знаменитого пензенского мельника, а дедушка службой на железнодорожном телеграфе добился личного дворянского звания и был, говоря по-немецки, *fon Safonov*.

Совсем недалеко жили бабушка Роза и дедушка Давид, который страшенно чихал и однажды, когда я играл у него в ногах, так чихнул, что я на несколько лет остался заикой. Был он фантастически интересной личностью, но о нём я тебе расскажу несколько потом, но расскажу непременно – таких людей больше не бывает и никогда не будет. Это – эпоха! Умер он на следующий год. Люди говорят одно, врачи – другое, но я уверен: однажды он слишком громко чихнул.

Бабушка Роза была просто фантастическим кулинаром. Я никогда не любил свою еврейскую родню, потому что они при нас всегда говорили на своём гортанном идише, а моли-

лись на ещё более гортанном иврите. Я ничего этого не понимал и очень обижался. Зато, чего бы бабушка Роза ни готовила, всё было необыкновенно, пышно, вкусно. Я считал, что это какое-то колдовство и отказывался есть – бывают же такие дураки на свете! Но, если бабушка Оля жила на втором этаже барака, то бабушка Роза – на первом, и у неё был палисадник, в котором росли туи, а также мальвы, выюнки и золотые шары – цветы, которые я, житель каменного Ленинграда, очень полюбил.

А потом мы всё-таки поехали в Тамбов.

Не доезжая до Тамбова, мы попали в Мичуринск, и я был потрясён уходящими за горизонт яблоневыми садами, ведь я так любил яблоки.

В Тамбове, в военном городке, у меня сразу появилось много друзей. Мы не дрались, мы боролись: кто повалил на лопатки, тот и победил. Я был сильнее всех, но я знал, что это нехорошо, потому что слабый не потому слабый, что плохой, а потому что ему плохо. Изю всех своих тогдашних друзей я помню только Мишку Сыроваткина, и скоро ты поймёшь, почему именно его.

1 сентября я пошёл в мужскую среднюю школу №52 – тогда были мужские и женские школы. Я нёс, как и все, тяжёлый букет, в котором было много цветов, в центре огромный мясистый георгин, а по краям два гладиолуса, похожие на пики или мечи.

Директор школы, большой грубый мужчина в начищен-

ных армейских сапогах, мне очень не понравился – он был строг и от него воняло чем-то неприятным, а наша учительница, Анна Ивановна, была молодая, красивая, добрая и мне сразу понравилась. Каждый день она доставала из своего маленького чуланчика бутылку с фиолетовыми чернилами и подливала их в наши непроливайки, вделанные в парты. Ещё в чуланчике хранились половая тряпка, ведро, тряпка для доски и мел, много мела. Я с Ленинграда любил мел и даже штукатурку. И здесь я довольно быстро сгрыз весь классный запас мела.

Я не знаю, Ваня, что тебе более всего запомнится из твоего детства, а мне тогда всегда хотелось есть. И мы ели всё подряд: первую траву, липовые почки, кленовые побеги, дикий щавель, манжетку, вар, извёстку – это в Ленинграде. А в Тамбове мы бегали за подводой с сердитым мужиком. На подводе кучей лежал жмых, мы отрывали по куску и грызли его, он был твёрдый – не укусишь и липкий, но именно это нам почему-то нравилось. В ворохе жёлтых тополиных листьев мы пекли картошку и ели её с принесённой в спичечном коробке солью. Этот запах костра и печёной картошки до сих пор – один из самых дивных ароматов моей жизни. Дорога в школу была очень длинной, километра три. Половину пути мы шли по железнодорожной насыпи. Не знаю, почему, но тогда железнодорожный балласт был галичным, а между камнями иногда попадались раковины перловицы. Некоторые из них были ещё живыми. Мы их жарили на ко-

стре и ели, тоже с солью. Вот почему я так люблю устрицы, мидии, вообще всякие ракушки.

Мы с тобой оба сентябрьские, только я на пять дней старше тебя. Я не помню, что мне дарили обычно на день рождения, но, когда мне исполнилось семь лет, мама подарила мне огромный арбуз. В сентябре арбузы бывают самыми красными, самыми вкусными и самыми большими. И мама подсказала мне: пригласи всех своих друзей. И я их пригласил. И они налетели на арбуз, вместе с моими сёстрами и братом, и мы вмиг его съели, потому что в Ленинграде арбузов никогда не было. Мои родители оба – волжане. Мы потом ели арбуз по-волжски, с вареной картошкой, воблой или селёдкой. Мама покупала свежую воблу и вялила её на бельевой верёвке на прищепках, как бельё. А ещё мы, по примеру соседей, вялили на крыше нашего сарая урюк и курагу.

Вскоре наступила настоящая осень, с дождями. Мама сшила нам из медицинской клеёнки плащи, только для школы. А ещё у меня были галоши. Ты знаешь, в Тамбове такая грязь — я больше нигде такой не видел, жирная, чёрная, чавкающая, ведь Тамбов стоит на чернозёме. И однажды я, возвращаясь из школы, влип в такую грязь, что у меня утопи в ней обе калоши, сначала одна, потом другая, вместе с ботинками. Одни носки остались. Я их снял, сунул в карман и дальше пошёл босиком.

Мама дома только ахнула. На мне вообще одежда и обувь горели: пошёл играть в футбол – потерял пальто, полез через

забор — порвал штаны, сунул камень в карман — он и прохудился, а уж кепки и тюбетейки...

В нашем военном городке был клуб, где показывали кино. Для детей билет стоил рубль, а по воскресеньям и вообще бесплатно. И мы каждый фильм смотрели по многу раз. «Тарзан», «Свадьба с приданным», «Чапаев» — эти фильмы мы знали наизусть.

И вот настала зима. Снегу в январе навалило столько, что от паровоза была видна только верхушка трубы и пар из неё. Морозы стояли страшные, под сорок, в школу мы при температуре ниже -25° не ходили, за зиму таких дней набежало больше месяца.

У нас в военном городке было много бродячих собак, одну из них, Розку, грустную, тихую и вечно голодную, мы подкармливали, как могли. Собаки жрали всё, даже свои какашки, и я, честно, боялся их. Однажды я катался с горки, наступил вечер, и я оказался один. Съехал с горки, а тут — собаки. Окружили меня и начали подбираться. Я со страху так громко закричал, что из дому выбежала моя старшая сестра Светка и прогнала их. Сама-то она собак боялась панически, но, если надо защитить нас, младших, тут она не то, что собак — волков, львов и стадо слонов разогнала бы.

Помимо Розки у нас ещё появился кот Васька, правда, через год он оказался Васёной и принёс нам несколько котят, симпатичнейших — мы их соседям раздали, потому что и в домах, и в сараях было полно крыс и мышей, а Васёна

была ловкой крысоловкой.

В наш военторг белый хлеб, сайки, привозили раз в неделю. Тесто было кислое, липкое, сайки быстро черствели и становились каменными, становились бы каменными, если бы мы давали им черстветь. Привозили хлеб рано утром, и надо было караулить очередь, иначе могло не достаться. Все знали, и соседи, и продавщица, что нас пять человек детей и мама не работает, но правило было жёсткое – больше двух саек в одни руки не давать. И мы часов с шести утра прячемся под деревьями рядом с военторгом в скрипучий мороз до семи, а, если хлебовозка опаздывает, то и до восьми утра.

Зимой часто отключали свет, и мы сидели при керосиновой лампе или при свечке. В ту зиму я полюбил читать и мог читать хоть всю ночь. «Сашка, кончай читать – глаза сломаешь» – говорила мама. «Угу» – отвечал я и продолжал читать. Строго говоря, читать мне разрешали сколько угодно, вволю.

Весна всё-таки настала!

Прилетели грачи, они вили гнёзда, выводили птенцов – и мы всё это видели близко-близко. На реке Цне шёл оглушительный ледолом и ледоход. Вода разлилась по всему городу, люди плавали по улицам на лодках. Вместо трёх километров дорога в школу стала 12. Я пришёл только к третьему уроку, и Анна Ивановна сказала, чтобы я неделю в школу не ходил – я единственный, кто пришёл.

Нам выделили огород. Мы посадили на огороде картошку. Мама очень хорошо разбиралась в сельском хозяйстве, поэтому мы сажали не саму картошку, а картофельные очистки. Все смеялись над нами, пока мы не собрали осенью урожай: чистая крупная картошка, ничем не больная, 12 картофелин в ведре, вот такая крупная.

Я, как мама, решил стать агрономом и поставил опыт: «скрестил» семена тыквы и огурца, ведь они – близкие родственники. Я осторожно надрезал тыквенные семечки, вставлял в надрез огуречные и связывал их ниточкой. Теперь я понимаю: мама рядом с моими «гибридами» посадила потихоньку простые семена, они взошли и дали урожай: крупные белые огурцы. Я гордился своими «гибридами» и своим агрономическим опытом.

В конце мая первый класс кончился и начались летние каникулы. Мишка Сыроваткин и я решили убежать из дому в Москву. У нас было рубля два денег – этого могло хватить на четыре пирожка с повидлом, и совершенно новенькая красивая тетрадь. Мы предложили её машинисту на вокзале, чтобы он нас довёз до Москвы, но он не взял. Жаль – тетрадка очень красивая была, и на обложке иностранными буквами напечатано.

В поезде, в общем вагоне, было битком народу и почти все – зайцы безбилетные. Кто-то крикнул «кондуктора идут!» и все ломанулись в последний вагон, а оттуда – на крышу. И мы с Мишкой. На крыше вагона было радостно

и весело – ветер дул в лицо и сыпалась паровозная сажа.

Вечером нас всех сняли с крыши вагона на какой-то станции, и мы пошли по шпалам дальше. Настала ночь, мы стали проситься в домик обходчика, но нас не пустили, и мы шли и шли, пока не пришли на большую станцию Сабурово. Я впервые увидел ночные паровозы: они маневрировали, испуская облака пара и визгливые гудки, им из маслёнок с длинными тонкими носиками смазывали колёса и другие детали. Это было завораживающе красиво. Утро настало седое и туманное, Мишка спал, а я всё толкал его «пошли, пошли, а то нас поймают». И нас действительно поймал милиционер. Он привел нас в свой кабинет и долго расспрашивал, кто мы такие. Мы не врали. Потом нас посадили на поезд вместе с другим милиционером и привезли назад, в Тамбов. На вокзале он передал меня маме. У неё было чёрное от горя лицо. Меня не ругали и не наказали. Я был очень голодным и после еды мгновенно заснул. Оказывается, мы путешествовали три дня. Может, именно тогда мне и выпала судьба географа?

Летом к нам в гости приехал дедушка Саша. Мы полюбили с ним подолгу разговаривать на самые разные и важные темы, часами, а потому и друг друга полюбили.

Дедушка Саша в жизни испытал много невзгод. Он много читал и был очень умным. Благодаря ему я многое понял, а главное, я стал интересоваться именно тем, что не знал. Он всегда говорил тихим голосом, потому что он был необычай-

но добрым человеком.

Вот, наверное, и всё.

И так долго я могу рассказывать про каждый год своей жизни, но это уже не интересно, потому что интересно только то, чего не было, нет и никогда не будет, что ты придумаешь сам.

Саша, Наташа, Миша. Москва, Измайлово, 1955 г.

Узмишова

В царстве Соли

() *сказка*

Ваня, здравствуй!

Помнишь соляную пещеру под Зальцбургом? Ну, вот, а я придумал сказку про неё, ты же знаешь: я люблю сочинять сказки.

У одного Солнца была любимая дочь по имени Соль.

Она вечно грустила и думала о чём-то своём, печальном и потаённом. Солнце любило её, лелеяло, нежило, грело, но Соль от этого тепла хоть и росла, но веселей не становилась.

А думала вот о чём:

– никому я не нужна: растения берут все необходимые им минералы и витамины из почвы, которая совсем несолёная, если её попробовать; те, кто питается растениями, травоядные животные, птицы и рыбы, насекомые, берут эти соединения из растений, хищники едят мясо и пьют кровь своих жертв и так получают всё необходимое. Бесплезное я существо, никому не нужное, зряшное, ничего не стоящее.

И с этим мыслями решила Соль уйти совсем от этого мира, укрыться в пещере, глубоко под землёй, в огромной горе.

Решила и сделала.

И все на земле стали забывать о затворнице и почти со-

всем забыли. Солнце бросилось искать свою дочь и в этих поисках сильно раскалилось: пошли пожары и засухи, полыхали огнём леса, саванны и степи. Наступило глобальное потепление, жарища несусветная. Спасаясь от этих напастей, люди убежали в горы и стали укрываться в пещерах, где не так жарко. Но в пещерах всегда стоит темень. И люди научились добывать огонь для костра. Эти костры и грели людей, потому что в пещерах всегда холодно или хотя бы прохладно, и освещали их, согласись, убогую жизнь.

Они выходили из пещеры только на охоту, а охотились они на всех подряд: и на рыб, и на рептилий, и на животных, и на птиц. А ещё собирали яйца, ловили насекомых, выкапывали вкусные корешки, пробовали на вкус грибы и ягоды – человек ведь всеяден.

Вернувшись с охоты, рыбалки и сбора растений, они усаживались вокруг костра и поедали свою добычу.

Однажды один удачливый охотник — а удачники всегда садились ближе всех к огню – так наелся, что, недоев свой кусок мяса, заснул. Проснулся он от того, что пошёл необычный запах – недоеденный им кусок слегка подгорел. Охотник был любопытен и непривередлив – он решил попробовать подгоревшее мясо: вкусно. Но – чего-то не хватает. Сидевшая рядом с ним женщина протянула ему каменную чашу: добавь к своему куску воды, добавь трав и корешков и поставь на огонь, может получится вкуснее. Так он и сделал. Действительно, получилось вкуснее, но... всё равно чего-то

не хватает.

– чего бы сюда ещё добавить? – соображал он, а в это время его маленький сынишка играл с какими-то камешками.

– а ведь это идея! – пришло охотнику в голову. Он взял у малыша маленький камешек, растёр его в ладонях, как он привык делать, добывая огонь. Камешек легко рассыпался в его сильных руках. Охотник добавил порошок в свою еду и – о, чудо! Еда вдруг стала необычайно вкусной.

Он ел с таким аппетитом и чавканьем, что всё племя обратило на это своё внимание. Все стали просить:

– дай и нам попробовать!

Горячее мясо с порошком было восхитительно вкусно.

– где ты нашёл этот камешек? – спросили люди у малыша

– да тут таких камней полным-полно

Надо же – тут всякие камни в пещере, а как найти тот, который растирается в порошок?

– а вы меня ругать не будете?

– не будем, не будем, говори скорее

– его легко найти: просто, надо лизать камни, все камни безвкусные, а этот – вкусный

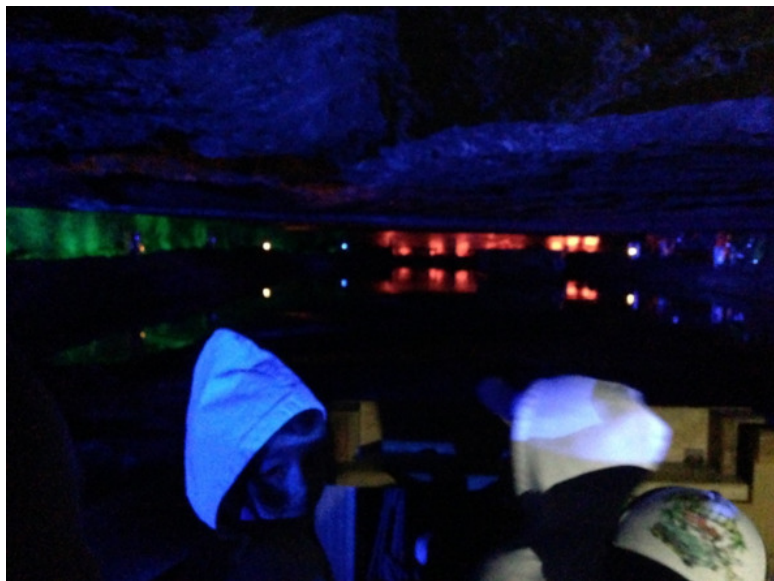
Так люди открыли для себя красавицу Соль.

Теперь у них вся еда стала и горячей, и вкусной, необычайно вкусной. Они добавляли чудесный порошок в любую еду, но только совсем понемногу, потому что если положить много, то еда становится нестерпимо горькой, а, главное, люди были уверены, что это очень редкий минерал. И прав-

да, из-за своей редкости и нужности людям он стоил столько же, сколько золото. Соль стала первым в мире товаром – с нею ходили караваны по пустыни и плавали лодки по длинным-длинным рекам и даже морям. Только много позже люди научились торговать другими вещами и предметами.

Солнце, узнав, что его любимая дочь Соль нашлась, успокоилось, наступило похолодание, а за ним оледенение. Люди научились благодаря оледенению делать себе одежду и обувь. Холод и морозы человеку были нестрашны, ведь у них был огонь, горячая еда и тёплая одежда из звериных шкур.

А счастливая Соль стала царицей: её царство – это царство людей.

Про Александра Гумбольдта

Ваня, здравствуй!

Очень скоро тебе исполнится семь лет, и ты пойдёшь в первый раз в школу. Это – самое подходящее время для размышлений: а на кого надо быть похожим? Кого взять за образец?

Ты уже много знаешь, много учишься и многим интересуешься – я горжусь тобой, ты уже сильно обогнал меня, семилетнего. У тебя великолепная коллекция минералов, ты знаешь карту Земли и Космоса, историю и географию, свободно владеешь двумя языками, разбираешься в технике и сельском хозяйстве. Именно поэтому я хочу рассказать тебе о человеке, твоём великом соотечественнике, об Александре Гумбольдте.

Правда, он немного похож на тебя, когда ты будешь кончать школу?

Он прожил богатую, интересную и очень правильную жизнь, а потому прожил 90 лет – в те времена, как ты знаешь, так долго очень мало, кто жил.

Он был географом, прежде всего. И потому он очень много знал. Это была настоящая ходячая энциклопедия: он был также метеорологом, климатологом, физиком, ботаником и зоологом. И он был великим путешественником.

Гумбольдт считал, что самые красивые места на Зем-

ле – это окрестности Константинополя, Неаполя и Зальцбурга. Ты согласен?

Америку открывали не менее четырёх раз: сначала это сделал викинг Эрик Рыжий. Потом, спустя несколько веков – Христофор Колумб, который думал, что открыл Вест-Индию. Он так и умер, не узнав, что же он открыл. Вслед за тем Америго Веспуччи, никуда не плавая, буквально на кончике пера открыл и назвал своим именем Америку. А четвёртым был Александр Гумбольдт – он научно описал эту огромную страну.

Он очень любил путешествовать, как ты и как я, но своё первое серьёзное путешествие по Южной Америке он совершил только в 30 лет! Его попутчиком был французский ботаник Бонплан.

Александр Гумбольдт и Бонплан на Амазонке. Какая огромная разница: один исследовал, изучал, пытался понять, построить теорию, а другой просто путешествовал и кропотливо собирал ботаническую и зоологическую коллекции. Кто теперь знает Бонплана? Художник Эдуард Эндер

Гумбольдт и Бонплан на фоне Чимборасо. Как прекрасна наша планета Земля! Художник Фридрих Георг Вайтш, 1806

Это путешествие заняло пять лет. Результаты их путешествия были впечатляющими. Гумбольдт открыл Анды, доказал, что Ориноко соединяется с Амазонкой, дал точную то-

пографию и координаты многих мест. Коллекция растений и животных составила 4 тысячи видов, из них почти половина не была известна науке.

Гумбольдт совершил ещё два великих путешествия: в Тибет и в Россию. Он очень помог России освоить рудные и кристаллические богатства Урала. А потом он написал книгу «Космос», которая остаётся до сих пор непокорённой вершиной в географии уже почти 200 лет. Когда мы в университете изучали землеведение с основами астрономии, мы знали, что почти все учебники просто пересказывают «Космос» Александра Гумбольдта. И всё равно мир остаётся открытым для дальнейшего познания.

У Александра был брат, которого звали Вильгельм. Оба они получили великолепное домашнее образование, ведь тогда школ и гимназий почти не было. Вильгельм тоже стал великим ученым, филологом. Вместе они создали в Берлине Гумбольдтовский университет – в Германии, и в Европе, и в России, и в Америке уже было много университетов, сотни университетов, но братья Гумбольдты перевернули страницу истории – они создали университет, который давал самые массовые профессии: врачей, юристов, инженеров, агрономов, учителей – мы живём в мире профессий, мы все учились в гумбольдтовских университетах и ещё долго будем учиться. Как знать, может и тебе придётся учиться в университете, где люди получают очень важные и нужные профессии.

Ты тоже уже получил очень хорошее домашнее образование, ведь чтобы получить образование, надо быть образованным человеком, вот какой парадокс. И очень важная деталь: ты не только получил образование – ты его взял и продолжаешь брать. Это – твоя инициатива, твоя жажда нового знания – пусть никогда не утолится эта жажда, как она оставалась неутолённой у Александра Гумбольдта. Как и ты, он был всеяден: он изучал и хорошо знал финансы и экономику, медицину, физику, математику, ботанику, археологию, греческий язык, геологию, геодезию, любил поэзию и прекрасно рисовал. Его первая научная работа называлась «О рейнских базальтах». У него было множество профессий, но прежде всего он был высокообразован. Его пример точно говорит нам: образование – ни для чего, оно само по себе ценно. И это отличает образование от получения профессии. Надо уметь ценить и то, и другое – ты понял, почему?

Знаешь, Ваня, я в жизни понял всего три вещи:

– богат не тот, кто много имеет, а тот, кто умеет много тратить

– умён не тот, кто много знает, а тот, кто умеет пользоваться знаниями

– мир устроен так, чтобы человек мог его познавать

Я очень хочу, чтобы ты стал географом, а если ты выберешь другой путь – тоже хорошо. Но мне хочется, чтобы ты полюбил Александра Гумбольдта и следовал за ним: в трудах, в размышлениях, в желании понять и познать этот мир.

*Он и в старости был также красив, как и в молодости.
Красив умом. И ты будешь таким же, вот увидишь.*

Памятник Гумбольдту на главной улице Берлина

ALEXANDER
VON HUMBOLDT
1769 - 1835

Про живое

Не помню, рассказывал ли я тебе эту историю про знаменитого мудреца и баснописца Эзопа.

Однажды Эзопа спросили:

– отчего культурные растения и болеют, и неурожайные, хотя за ними нужен уход, полив и много другой возни, а дикие растут сами по себе, не болеют и обильно плодоносят?

Эзоп ответил:

– культурные растения – пасынки земли, не она их сеяла и рожала, а потому и не любит их, дикие же растения – любимые дети земли, она их холит, кормит и оберегает безо всякого вмешательства человека.

Отношения людей ко всему живому всё время меняются. Во времена Эзопа природа воспринималась как божественная: в любом растении и животном для человека таилось божество, все природные силы – ветры, вулканы, моря и реки, громы и молнии – всё было божественно. И человек сам себе казался божественным произведением. Честное слово, я очень хотел бы жить в мире древних греков, ведь это так чудесно. И греческие мифы – вовсе не сказки и не выдумки. Само греческое слово «миф» переводится как «рассказ об истинном».

Но, кажется, я опять отвлёкся.

В моём детстве люди делили всех животных и все расте-

ния на культурные и дикие, все культурные считались полезными, большинство диких – вредными, сорными или сорняками. Если, например, рыба была несъедобная, то её считали вредной или даже опасной. Представляешь, росло-росло себе какое-нибудь растение из поколения в поколение миллионами лет, а тут – бац! – приходит человек и говорит: оно вредное, потому что невкусное. Не знаю, как тебе, мне было обидно, если бы кто-то пришёл и сказал про меня – да ну его, невкусный, а, стало быть, вредный.

Люди придумывали сказки про зверей, а потом сами же в них верили, что лиса, например, хитрая хищница, а какая же она плутовка, её такса, сама по себе собака много меньше лисы, запросто из норы выгоняет под пули охотника, и не всякого зайца она может одолеть. И про волка сказки явно наговаривают: он наполовину хищник, а наполовину вегетарианец, да и питается в основном мышами, мелкими грызунами и насекомыми.

В нашем детстве зверей было совсем немного: кошки-собаки, эти, конечно, полезные, если домашние, и вредные, если бродячие. Я ещё застал, когда по улицам лошади возили людей и грузы. Мыши и крысы считались вредными, но у нас был мышонок, маленький-маленький, он по вечерам выходил на свет, и мы потчевали его свечными огарками и хлебными крошками. Он был очень смешной: глазки маленькие-маленькие, хвостик – тоньше спички, а сам усатый, как заправский кот. Ну, какой же он вредный?! Он просто

потешный.

Ещё у нас жил сверчок. Мы никогда его не видели, он жил где-то высоко под потолком, только слышали, но я очень любил засыпать под его тихое стрекотание.

А вот со всеми другими животными иногда выходило смешно. Одна девочка, впервые попав в деревню и увидев кошку, закричала: «мама! мама! смотри – корова!», потому что до этого она видела и корову, и кошку только в книжке и не представляла себе их реальных размеров.

У козы острые крутые рога и жёлтые глаза, кажущиеся нам злыми. Однажды коза так напугала мою старшую сестру, что та закричала совершенно диким образом, коза испугалась, подбросила её рогами себе на спину и помчалась со страху во весь опор. Коза и сестра моя Света натерпелись страху, а люди долго смеялись и много лет вспоминали эту историю.

Меня однажды гусь больно ущипнул, потом шипел, гоготал и махал огромными крыльями: в отличие от тебя я гусей побаивался.

А вот кого я никогда не боялся, так это коров. У них такие красивые добрые глаза, и тёплые морды, и вообще от них всегда пахнет теплом и молоком, а я очень люблю молоко. Лет с десяти-одиннадцати, а, может, даже раньше, я работал в деревне подпаском. И никогда не бил, и не пинал их, как это обычно делали в России пастухи. Когда корова вечером возвращается из стада во двор, её надо непременно

угостить большим куском чёрного хлеба, густо посыпанного солью. Корова горячо дышит тебе в ладонь и позволяет почесать лоб.

Уже совсем взрослым я часто ездил в деревню, работал и пастухом, и скотником, и кормачом и даже ветеринаром. Я любил коров – и коровы любили меня. Помню одну чёрную корову, её звали Кармен, у неё были изумительно красивые глаза, карие, с влажной поволокой. Я ей всегда подкладывал корма чуть больше, чем другим коровам, гладил и говорил ей всякие нежные и ласковые слова. Её доили не автодоильным аппаратом, а вручную. Она давала вечером целое ведро молока, необычайно вкусного, тёплого, жирного. Вся бригада ждала это молоко и не садилась ужинать без него.

И, конечно, я очень любил телят. Однажды я принимал роды у коровы. Бедная так долго мучилась, что у меня, взрослого мужчины, слёзы стояли в глазах. Наконец, телёнок родился, он пытался стоять, но тоненькие ножки подкашивались и его шатало из стороны в сторону. Я взял его на руки и уложил на пук соломы в углу яслей для маленьких телят.

Телята часто простывают, болеют, ходят сопливые. Я собирал для них бадан – замечательную целебную траву для сопливых телят, а также делал им уколы, коленом удерживая их под живот. Это называется вакцинацией. Представляешь – поставить за день 100—150 уколов телятам! А они норовят поймать твою руку и сосут её, думая, что это соска с молоком: к сожалению, в России и коровы, и телята, и вся

живность, и даже люди часто недоедали и были голодными или полуголодными.

Я знаю, ты тоже любишь бывать в деревне, любишь и кур, и гусей, собирать яйца и кормить всю эту живность. Это очень хорошо.

Мы, люди, сильнее любого животного и любого растения, даже если они гораздо больше нас. Но мы должны употреблять свою силу не во зло им: не только кошки и собаки – цветы различают и помнят добро и зло. И к тем, кто любит их, они относятся совсем иначе, нежели к тем, кто причиняет им боль и зло.

И мы с тобой всегда должны помнить, что – такие же Божьи твари, как и они, что мы все, живые, – братья друг другу.

Желомеино, под Москвой. 1956. В центре – бабушка Оля, с краю – дедушка Саша. Дальше всех от фотоаппарата – я, подпасок.

Про пионерлагеря

Люди немного похожи на медведей: медведица на зиму устраивается на спячку не одна, а со своим годовалым медвежонком. Она рождает другого медвежонка, совсем маленького, с варежку, в берлоге, во сне, в феврале-марте. Когда они выползают втроём из берлоги в начале марта, медведица очень голодна. Она отправляется на поиски пищи, оставляя малыша на попечение старшего медвежонка, пестуна.

У слова «пестун» есть два однокоренных слова: пастух и пастор – они не кормят, но воспитывают, пестуют.

В русском языке слово «ребёнок» означает «работник» – с 4—5 лет ребёнок уже помогает по дому: пестует малышкой, убирается, следит за чистотой и порядком. Раньше в семьях было много детей. Они часто болели, голодали, умирали, о них мало заботились – они сами заботились о себе и друг о друге, выживал всегда сильнейший.

С точки зрения истории люди начали заботиться о детях совсем недавно. Первый в мире киндергартен открылся в Германии только в 1840 году, менее 200 лет тому назад. Тогда же возникла детская медицина, педиатрия, детская система воспитания, педагогика, и детская психология: всё это – достижения немецких и швейцарских учёных и гуманистов. Помнишь в Пухайме улицу Песталоцци? Мы часто гуляли по ней, когда ты был совсем маленький. Песта-

лощци – знаменитый швейцарский педагог, в Цюрихе ему поставлен памятник в самом центре города.

А в начале 20 века замечательный канадский писатель Сеттон-Томпсон придумал детское скаутское движение. Он писал очень интересные рассказы про зверей Северной Америки: гризли, волков, лис, кроликов, одичавших лошадей мустангов. Это – гордые, свободолюбивые звери, вызывающие уважение и восхищение. Скауты – искатели, разведчики, они живут в палаточных городках, ходят в походы, собирают минералы и гербарии, изучают природу и помогают ей, если она нуждается в их помощи. Наверно, эти ребята были первыми экологами на Земле.

А в России?

А в России сто лет назад, в 20-е годы появились пионеры (наша версия скаутов), пионерские лагеря и летние дачи для детей киндергартенов. Дело в том, что в России тогда (да и во многие другие времена) было очень голодно. Считалось, что за городом дети отъедятся, хотя деревни голодали и были гораздо беднее городов, но резон в этих дачах и лагерях, конечно, был – за городом, особенно в лесу, полно диких ягод и грибов, орехов и других плодов, вкусных и полезных растений. Кроме того, за городом всегда чистый воздух и чистая родниковая вода, а это, как ты знаешь, очень важно для здоровья.

Ленинград, где наша семья прожила пять лет, был очень голодным городом. Поэтому наш детский сад, киндергартен,

на всё лето выезжал за город, на дачу.

Я помню отчётливо один эпизод.

Раннее утро, пока все спят, я встал, чтобы собрать малину, которой много росло вокруг нашей дачи. Дача располагалась на высоком длинном холме. Теперь мы с тобой знаем, что это – форма моренного рельефа, друмлины, оставленная нам ледником. Далеко впереди и внизу открылось озеро. С куста на меня посыпалась обильная роса, и я вспомнил стихотворение Ивана Никитина (у нас в семье его очень любят) «Утро», которое мне очень нравилось и которое я сходу запомнил (и помню до сих пор!):

Я, пятилетний мальчуган, стоял, восхищённый, поражённый, тронутый, очарованный, шептал эти стихи, а потом заплакал: «всё правда, и мир прекрасен, и я жив». Никогда мне не было так хорошо и легко на душе, и я был глубоко-глубоко счастлив. Через два месяца мне исполнилось пять лет. Мы, тогдашние дети, всё время болели, поэтому мы о жизни думали странно: не сколько нам ещё предстоит прожить, а сколько мы уже прожили, и нам казалось, что самое главное мы уже прожили.

Потом мы, как ты знаешь, переехали в Тамбов, через год мои старшие сёстры уехали в пионерлагерь, а я кричал и плакал, что тоже хочу в пионерлагерь, меня смогли успокоить только одним: пообещав, что на следующий год я непременно поеду, на все три смены, то есть на три месяца, на всё лето.

Конечно, я хорошо помню этот тамбовский пионерлагерь

в Новой Ляле (смешное название, правда?), но там не было ничего, что было бы интересно для тебя.

А потом мы вернулись в Москву

Московские пионерлагеря

Начиная с 1954 года, я пять раз выезжал на всё лето в подмосковные пионерлагеря, каждый раз в разные. Однажды, в 56-ом году, я оказался в спортивном лагере: нас готовили для торжественной церемонии открытия в Москве стадиона в Лужниках, главной спортивной арены всей страны.

А после 8-го класса мы поехали во Владимировскую область, под Собинку, сами построили школьный палаточный туристический лагерь (каждая палатка устанавливалась на помосте, прибитом к сваям) и прожили там всё лето. Всё делали сами: готовили еду, убирали территорию, проводили соревнования, а также купались, загорали, играли в футбол и волейбол, ходили в походы с ночёвкой, помогали соседнему колхозу. Я тогда впервые в своей жизни сам сложил печь – её потом не могли сломать даже ломами. И с тех пор меня всегда приглашали ставить печки в школьных турлагерях.

Есть такая очень смешная комедия «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещён». Непременно посмотри её: обхохочешься и заодно узнаешь, что такое пионерлагерь – там всё правда.

Я и в школе-то не любил дисциплину и несвободу, а уж в пионерлагере!

Там было много неинтересных, но обязательных дел, на-

пример, сон после обеда, который назывался довольно дико – «мёртвый час» (иногда, правда, говорили «тихий час»). Спать днём? – я, что, – маленький? И мы тайком убегали купаться, или в лес, за грибами-ягодами, или на рыбалку, или просто лазали по деревьям. От всяких сборов и прочей скукотищи я тоже умел ловко увильнуть: договаривался с друзьями, а те ввали пионервожатой:

- Левинтов к зубному врачу пошёл
- Левинтов в библиотеке готовит доклад
- Левинтова начальник лагеря вызвал
- Левинтов на кухне дежурит

Или ещё какую-нибудь муру придумывал. Кстати, на кухне я любил дежурить, особенно чистить картошку, а заодно смотреть, как готовят еду на такое огромное количество ртов. Есть такое пионерлагерно-солдатское правило: «подальше от начальства, поближе к кухне». В лесу наберёшь грибов или наловишь рыбы в реке, отнесёшь на кухню, а тебе – что-нибудь да перепадёт за это. Вечером обычно оставался компот или кисель – хоть запейся. И хлеб обычно оставался. Огромные батоны разрезали вдоль, натирали чесночком, поливали постным маслом и поджаривали слегка в духовке: вкуснотища! Я уже взрослым, в Америке, узнал, что garlic-bread, чесночный хлеб – даже в ресторанах подают.

В пионерлагерях очень много пели хором... Это очень удобно петь, если у тебя нет ни голоса, ни слуха, а у меня не было ни того, ни другого. Ну, конечно, речь не идёт о хоре

театра Ла Скала или Большого театра, или Венской оперы. Знаешь, одна особь саранчи может пролететь около тридцати метров, но стая саранчи может пролететь и полторы, и даже две тысячи километров без посадки – таков биологический феномен любой стаи и толпы.

Я не очень люблю быть саранчой в огромной стае и слушать, что тебе говорят хором взрослые или твои товарищи. Гораздо важнее слышать свой внутренний голос, который говорит, чего не надо делать. И если хор кричит «убей его!», голос внутри тебя тихо ответит тебе «не убий». Его и слушай. Он всегда прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.